

Красильникова Н.А.
Новоуральск, Россия
**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
В МЕТАФОРАХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ**

Abstract

Political interdiscourse metaphors may conceptualize images of different countries, political institutions or distinct politicians. Russia's metaphorical representation in American mass media affects the attitude to our country in the future. It should be taken into account that political metaphor is a top-rank means of public consciousness manipulation, the power of which is hidden in its latent impact.

В последние годы мы были свидетелями кардинальной смены направления вектора отношения к России на мировой политической арене. Все начиналось с увеличения валового национального продукта, погашения зарубежных долгов, создания социальных национальных проектов. Однако очевидный и долгожданный ренессанс России происходил на фоне сообщений СМИ о серьезнейших проблемах как внутри, так и за пределами государства. В 2007 году зарубежные политтехнологи смаковали ситуацию российских выборов и особенно тему наследника российского президента. Пристальное внимание со стороны иностранных СМИ принесло в политический дискурс новые яркие концептуальные метафоры, отражающие отношение к событиям, происходящим в России в период президентства В. В. Путина.

В данной публикации представлены результаты когнитивного исследования метафорического образа современной России в американском политическом дискурсе. К исследованию привлекались материалы следующих изданий: «Business Week», «Chicago Tribune», «Los Angeles Times», «New York Times», «The American Spectator», «The International Herald Tribune», «The National Interest», «The Wall Street Journal», «The Washington Post» и др.

Интересно проследить общую динамику отношения американских СМИ к России с 2005 года по настоящее время.

В 2005-2006 годах западные журналисты и политики были «озабочены» антидемократическим развитием России и политическими убийствами, разразившимися в России и за ее пределами, в связи с чем большая часть рассмотренных нами метафор, в которых концептуализировались образы России, Кремля, российского президента и общества, носили поучительный характер. Например:

1. President Bush and Secretary of State Condi Rice have ramped up their criticism of what they see as Mr. Putin's backsliding on democracy. (Президент Буш и госсекретарь Конди Райс все больше критикуют господина Путина за так называемый отход [скольжением назад] от демократии.) [Borchgrave 2005].

2. Little wonder, then, that Russian officials bristle when lectured by the West about democracy. (Если учитывать все это, то совсем неудивительно, что российская власть так ощетинивается, когда Запад начинает учить ее демократии.) [Baker 2006].

Прагматический смысл метафоры РОССИИ, УСКОЛЬЗАЮЩЕЙ ОТ ДЕМОКРАТИИ, созданной первыми лицами США и незамедлительно подхваченной американскими СМИ, такой же неопределенный, как само «скользжение» – этакая дипломатическая уловка. Она не произвела бы международный скандал, но латентно настраивает население страны-поборницы демократии и прав человека на противопоставление России и США в лингвокультурологической дилемме СВОИ – ЧУЖИЕ.

Однако курс возрождающейся России уже тогда был определен, и прислушиваться к мнению своих американских партнеров российское правительство не собиралось. Сфера-источник метафорической экспансии ЖИВОТНЫЕ ловко используется для того, чтобы подсознательно русские политики и само государство воспринимались как создания непонятные, способные на животную реакцию и агрессивное поведение. «Зооморфные» метафоры обладают очень сильным прагматическим потенциалом и в распоряжении искусного мастера слова становятся безусловным политическим оружием.

Исследование политической коммуникации в США показывает, что образ медведя стал типичным при метафорической концептуализации России и ее президента. Ср.:

3. *Russian bear sets a trap* (Русский медведь расставляет ловушку) [Rahn 2006].

4. *Will Medvedev prove to be a more liberal president, or a front for the "Chief Bear"?* (Станет ли Медведев более либеральным президентом, или он будет играть роль фасада 'большого мишки'?) [Young 2007].

Легко заметить, что авторы цитируемых публикаций настроены предубежденно и в то же время иронично. Прагматический смысл данной метафорической модели – подсказать читателю то, что РОССИЯ – это СИЛА, РОССИЯ – это ХИТРОСТЬ, что с такой страной нужно вести себя осторожно и не стоит ее недооценивать.

Однако все чаще «русский медведь» появляется в политическом дискурсе не один, а в компании других животных – «волка» или «собаки». Концептуальный вектор метафорической модели РОССИЯ/ПУТИН это ВОЛК/СОБАКА сосредоточен на концептуализации уже не силы и могущества, а агрессии, противоречивости и злости. Ср.:

5. Oh yes, there are politics in the Kremlin, vicious politics. It's just that they've reverted to the form famously described by Winston Churchill as a bulldog fight under a rug: "An outsider only hears the growling, and when he sees the bones fly out

from beneath it is obvious who won." (Политики в Кремле предостаточно, причем злой и жестокой – они просто вернулись к старым ее формам, говоря о которых, Уинстон Черчилль и употребил выражение 'схватка бульдогов под ковром': 'сначала наблюдатель слышит только рычание, а когда из-под ковра летят кости, уже понятно, кто победил'.) [Schmemann 2006].

6. When the Bear Cries Wolf: Trying to Understand Vladimir Putin (Когда медведь ревет половчью: пытаясь понять Владимира Путина) [Schmemann 2007].

7. For anyone who spent time in the old U.S.S.R., the spat between London and Moscow over the extradition of Andrei Lugovoi, a suspect in the murder-by-radioactivity of Alexander Litvinenko, has a distinctly familiar air. It responds with all the familiar snarls and threats: "pure foolishness," barks Vladimir Putin; (Любому, кто провел какое-то время в бывшем СССР, размолвка между Лондоном и Москвой относительно экстрадиции Андрея Лугового, подозреваемого в убийстве Александра Литвиненко посредством радиоактивных веществ, определенно что-то напоминает. В ответ слышны все то же знакомое рычание и угрозы: «чистейшая глупость», – лает Владимир Путин.) [Schmemann 2007].

Данные метафорические модели прагматически запрограммированы на устрашение читателя. Их концептуальный вектор направлен на создание в сознании читателя образа России как рычащего и угрожающего животного. РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИКИ – это СИЛЬНЫЕ И АГРЕССИВНЫЕ ЖИВОТНЫЕ, готовые в любую минуту напасть и убить. В этой связи кажется вполне оправданным употребление милитарной и морбидальной метафоры, поскольку драка животных это жестокое сражение, которое может привести к гибели участников. Однако за этим рядом метафорических образов скрываются не преступники и не заключенные, а главные политические лица России, и такая метафорическая экспансия очевидно дискредитирует правящую элиту России и утверждает читателя в мысли, что вольные отношения с Россией опасны, и что Россия не допустит никакой государственной критики.

Подавляющее большинство комментариев, характеризующих Россию 2006 года, были связаны с отравлением Александра Литвиненко на территории Великобритании. Корни таинственной смерти бывшего русского шпиона западные журналисты нашли на страницах русской истории, окрестив отравление – старой русской традицией избавления от людей, неугодных властям. Многие отмечают, что случившееся с Литвиненко больше похоже на вымысел автора детективов, а не на действительность.

8. The grisly death of Alexander Litvinenko by radioactivity in London has created one of the supermysteries of our time. The victim's bizarre metamorphosis from Soviet spook to Muslim human-

rights champion-in-exile goes far beyond anything Le Carré would have dared, and the rest of the plot is hopelessly impenetrable. (Ужасающая смерть Александра Литвиненко в Лондоне, вызванная радиацией, стала одной из самых больших тайн нашего времени. До такого выверта, как превращение жертвы из советского шпиона в чемпиона-поборника прав человека, к тому же мусульманина, не додумался бы и Ле Карр; что же касается остальной части сюжета, то она вообще окутана непроходимой тьмой.) [Schmemann 2006].

К концу 2007 года общая тональность американского политического дискурса, характеризующего Россию, плавно переходит от оттенков возмущения и поучения к менее однозначным оценкам, к настороженному и все чаще почтительному настроению. Напр.:

9. One could question President Putin's means, but not his motives. He is determined not to let Russia become another Iraq and see its resources fall into the wrong hands, and has the courage to make a stand. (Можно ставить под сомнение средства, к которым прибегает президент Путин, но не его мотивы. Он решительно настроен не допустить превращения России в еще один Ирак, не допустить попадания ее ресурсов не в те руки, и у него хватает смелости стоять на своем.) [Brockwell 2007].

10. And yet Russia remains a land of paradox; amidst bleak news of democracy's last rites, one sees small signs of hope. (Но Россия остается страной парадоксов, и посреди мрачных новостей о последних обрядах отпевания демократии удается порой разглядеть маленький лучик надежды.) [Young 2007].

Смягчение нагнетания страха на американское сообщество посредством концептуальных метафор очевидно. Можно предположить, что американские СМИ стали лучше относиться к России, что стали воспринимать ее как достойного партнера для администрации Дж. Буша. Однако охлаждение отношений между двумя президентами и все возрастающее количество метафорических моделей, отражающих процесс ВОЗРОЖДЕНИЯ и ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА России, наталкивают на мысль о повышенной аккуратности, бдительности и, возможно, заданной мажорной тональности или, по крайней мере, нейтральном тоне американских журналистов и политиков в отношении России. Ср.:

11. Mr. Bush's administration already has an increasingly tense relationship with Mr. Putin because of his growing assertiveness and Russia's rising economic power from its vast oil wealth. (Отношения администрации г-на Буша с г-ном Путиным уже становятся все более напряженными из-за его возрастающей настойчивости и экономической мощи России, увеличивающейся благодаря ее огромному нефтяному богатству.) [Levy 2007].

Раздел 1. Политическая коммуникация

12. *The Russians have other strong cards.* (У русских есть и другие серьезные карты.) [Bush 2007].

13. *Putin has presided over Russia's transformation from a poor, chaotic country to a relatively prosperous, stable nation earning \$800 million a day in oil and gas revenues.* (Путин является президентом России в период ее трансформации из бедной и хаотичной страны в относительно процветающую, крепкую нацию, которая зарабатывает 800 миллионов долларов в день на объемах реализации государственных нефти и газа.) [Berry 2007].

Примечательно, что еще в 2006 году американские СМИ, в отличие от британских, не торопились навесить на Россию и ее президента ярлыки, заряженные отрицательной коннотацией, и ограничивались намеками, например, сопоставлением с другими странами, выбирающими для себя недемократический путь развития. Напр.:

14. *So Russia in some ways appears a little like China, where the economy flourishes with new freedom but politics remain tightly controlled. Or in other ways, it seems like Hugo Chavez's Venezuela. Or Augusto Pinochet's Chile. Or all of the above. There was a reason the old monarch was called the Czar of All Russias.* (В этом смысле Россия в чем-то напоминает Китай: экономика пользуется свободой и процветает, а политическая сфера остается под жестким контролем. В чем-то Россия напоминает венесуэльский режим Уго Чавеса, или чилийский – Аугусто Пиночета, или даже все их вместе взятые. Недаром в старину монарха называли 'Царем Руси Великия, Малыя, Белыя и прочая': нынешняя Россия – это несколько стран в одной.) [Baker 2006]

15. *Vladimir Ryzhkov, an independent member of parliament, says that Mr. Putin may see himself as an emperor, but not as a Führer.* (Независимый депутат российского парламента Владимир Рыжков говорит, что Путин, возможно, видит себя императором, но никак не фюрером.) [Playing a dangerous game 2006].

Монархические метафорические модели РОССИЯ – МОНАРХИЯ, ПУТИН – ЦАРЬ свидетельствуют о том, что о России до сих пор судят, опираясь на ее историческое прошлое. Царственные правители России всегда были недосягаемы и богоподобны для русских, им поклонялись, их безмолвно слушались. Ничего не меняется в национальном сознании – русские предпочитают порядок и сильную власть.

По мере более полного знакомства с российским президентом и его стратегией ведения внутренней и внешней политики образы становятся все более конкретными и точными. Ср.:

16. *Vladimir the Great? (Владимир Великий?)* [Winik 2007].

17. *Who Holds The Royal Scepter? Vladimir Vladimirovich Putin.* (Кто это – с царским скипет-

ром в руках? Владимир Владимирович Путин.) [Johnson 2007].

18. *He hints that he will crown himself prime minister instead of changing the constitution so he could serve a third presidential term – and then lets aides suggest that the prime minister's job is not big enough for Putin's talents after all.* (Он уже намекает, что готов, чтобы не менять конституцию ради третьего президентского срока, возложить на себя корону премьер-министра – а его подручные тут же подхватывают, что при таких талантах, как у Путина, премьер – это совсем не его масштаб.) [Hoagland 2007].

В политическом дискурсе США часто выстраивается параллель между царской Россией и Россией В. В. Путина. Западную прессу удивляет тот факт, что, несмотря на лишение демократических свобод и тотальный контроль сверху, рейтинг Путина в России необычайно высок, следовательно, этот народ выбирает для себя именно такого правителя.

19. *Indeed, it is far more likely that Putin and his allies are following not the ghosts of Stalin and Khruschev but spiritual masters such as Empress Catherine in seeking to reestablish Russia as a great nation on the world stage.* (Все указывает на то, что, стараясь восстановить значение России на мировой арене, утвердить ее как великую нацию, Путин и его сторонники черпают вдохновение не у призраков Сталина и Хрущева, а у иных 'духовных наставников' – в частности, у Екатерины.) [Winik 2007].

20. *The irony is, Putin does not need to return to a one-party state. His approval ratings reach to the moon (higher than 80 percent), based on political stability and an petroleum-rich economy.* (Ирония заключается в том, что Путину нет необходимости возвращаться к однопартийному государству. У него просто заоблачный рейтинг доверия (выше 80%), основанный на политической стабильности и обогащенной посредством нефти экономике.) [Putin's Potemkin election 2007].

21. *Russians Embrace Putin's Leadership, but Some Say Protesters Face Harsh Scrutiny.* (Русские одобряют [досл. – обнимают] лидерство] Путина, но, по словам некоторых, оппозиции приходится нелегко.) [Sciutto 2007].

22. *One of the most revealing signs was the respect, some even say infatuation, afforded President Putin.* (Лучше всего свидетельствует об этом то близкое к влюблённости уважение, которое люди проявляют по отношению к президенту Путину.) [Sciutto 2007].

Отношение соотечественников к личности президента России нередко метафорически представляется в духе сценариев романтических новелл, в виде объятий, влюбленности, что задает позитивное направление концептуальному вектору метафорической модели РОССИЯНЕ + ПУТИН = ЛЮБОВЬ, которая создает отличный имидж российскому президенту.

И надо признать, что рейтинг В. В. Путина сегодня «доходит до луны» не только в России.

Однако заметим, что еще два года назад «очарованы» харизматичным «самодержцем» России были не только россияне, но и лидеры других государств, что отразилось на метафорической карте западного политического дискурса. Достаточно вспомнить первоначальные отзывы американского президента о его друге Владимире. На прототипах межличностных отношений правителей государств складывались многообещающие метафорические модели. Напр.:

23. *Engaging Russia, as Mr. Bush says he wishes to do, means dropping gratuitous insults about its lack of democratic virtues. Such advice is best rendered in private.* (Обречиться с Россией, как хотелось бы господину Бушу, означает отказаться от свободы оскорблений относительно недостатка демократических добродетелей в этой стране. Такие советы лучше всего давать конфиденциально.) [Borchgrave 2005].

24. *Mr. Putin has exercised a strange fascination over his western colleagues. George W. Bush famously suggested that he had glanced into his Russian counterpart's soul and liked what he had seen.* (Господин Путин вызывает странные восхищение у своих западных коллег. Широко известно заявление Джорджа Буша о том, как он заглянул в душу своему партнеру, и увиденное там ему понравилось.) [Rachman 2006].

25. *Others to fall for the charming Russian president have been Messrs Chirac, Schröder and Silvio Berlusconi of Italy.* (Чарами российского президента поддались также Ширак, Шредер и итальянец Сильвио Берлускони.) [Rachman 2006].

В создании метафорических моделей, воссоздающих отношения между проявляющими симпатию друг к другу людьми, часто используется прием персонификации России и других стран, которые хотели бы добиться ее расположения или дружбы. Метафорические модели ПУТИН – это ОЧАРОВАНИЕ, РОССИЯ – это НЕВЕСТА отражают положительное восприятие президента России как «героя дня без галстука» и делового партнера. Прагматический смысл данных метафорических моделей соприкасается с психологией межличностных отношений влюбленных или любящих супругов. Концептуальный вектор метафорической модели РОССИЯ – это НЕВЕСТА направлен на создание чувства уверенности в партнере, в его искренних и серьезных намерениях.

Удивительно, что уже через год метафорика отношения запада к В. В. Путину потеряет всякий романтический характер. Ср.:

26. *This is Putin Unplugged, a domineering and entrenched ruler seeking revenge for the Bush administration's early decision to marginalize Russia by abrogating or ignoring arms-control treaty commitments to Moscow.* (Это – Путин дорвав-

шийся. Это лидер, уже привыкший командовать и в достаточной мере укрепившийся во власти, чтобы мстить правительству Буша за то, что оно преждевременно решило отодвинуть Россию в сторону и либо игнорировать, либо просто разорвать соглашения по контролю над вооружениями, подписанные некогда с Москвой.) [Hoagland 2007].

27. *PRESIDENT BUSH said last week of his erstwhile "friend" Vladimir Putin, "I have no idea what he's going to do."* (ПРЕЗИДЕНТ БУШ выказался на прошлой неделе о своем некогда «друге» так: «Я не имею представления о том, что он собирается делать.») [ARON 2007].

28. *President Putin may seem dictatorial to some, but there doesn't appear to be any doubt that he genuinely wants to see the best for Russia, and ensure that the country remains in the control of true Russian patriots, and not another trophy for the Bush administration or some of the many "exiles" who want to finish what they started before Putin came to power.* (Некоторым г-н Путин может показаться авторитарным руководителем, однако нет никаких сомнений в том, что он искренне желает для России самого лучшего, стремится сделать так, чтобы страна осталась в руках настоящих российских патриотов, а не стала еще одним трофеем администрации Буша или одного из многочисленных «изгнаников», желающих закончить то, что они начинали делать до прихода Путина к власти.) [Brockwell 2007].

Представленные примеры иллюстрируют изменения образа Путина: от молодого политика, который якобы нуждался в советах и рекомендациях Запада, российский президент быстро вырос в самостоятельного, зрелого и решительного правителя, и теперь «молодой друг» воспринимается как серьезнейший и не-предсказуемый соперник. Данный образ может быть подтверждением тому, что за рубежом В. В. Путина, если не опасаются, то определенно уважают. Однако существует опасность, что общество может охватить беспокойство относительно возможности нового серьезного противостояния двух супердержав.

Таким образом, в ярком свете концептуальных метафор (чаще всего зооморфных, артефактных и монархических) образ России в начале столетия претерпел парадоксальные изменения. Сначала государству, выходящему из кризиса, и его президенту все симпатизировали и пытались помочь. Однако по мере укрепления позиций России некоторые политические лидеры и журналисты посчитали, что стали «заложниками русского медведя» с его «недюжинной силой» и богатыми запасами энергоресурсов. Можно предположить, что в американском политическом дискурсе наблюдается переход от метафорической модели РОССИЯ – СЛАБЫЙ, НЕПОНЯТНЫЙ И БЕДНЫЙ ДРУГ к